

Глава 5. Конструкция постчеловека: концептуальный персонаж в персональном компьютере

1. Curriculum vitae: человек как венец Природы, подобие Бога и Личность

Адам – Антропос – Гомо = ЧЕЛОВЕК появился на Земле, по точно подтвержденным радиоуглеродным анализом данным археологической науки, по-видимому, приблизительно около 3,5–2,5 млн. лет тому назад. Согласно авторитетным письменным источникам ему 7815 лет. Такое временное разночтение обусловлено различием трактовок его сущности: в первом варианте это предельно, вплоть до отказа от себя, эволюционно развившееся природное животное, по второму он – тварь, результат волевого акта Супранатуральной Силы, запечатлевшей в нем собственный образ. В истории представлений о человеке данные версии переплетались, иногда сливаясь, чаще опровергая друг друга. Однако в обеих, а также прочих, паллиативных, при самых острых спорах, человек считался неким особым, уникальным феноменом, по крайней мере на Земле. Существом, которое задает смысл существованию остального сущего. Это «малый мир», «микрокосм», «мера всех вещей», «эманация Абсолюта», «разум Вселенной». Универсальный по способу деятельности, он Единственный Субъект бытия, ничем и никем незаменимый носитель свободы. Он второй после Бога и его небесных помощников – ангелов, которые должны заботиться о человеке.

Соответственно, присущий философии как метафизике «основной вопрос» состоит из отношения «человек-мир». В перетягивании каната между его сторонами дело доходило до солипсизма, когда получалось, что мир, реальность возможны постольку, поскольку воспринимаются человеком. В истории науки возник и сохраняет влияние так называемый антропный принцип, согласно которому не будь людей, Вселенная в своих фундаментальных параметрах была бы совершенно иной (если бы она без него вообще решилась быть). Апофеозом значимости проблематики человека следует признать формирование в XX веке философской антропологии, претендующей на статус единственно адекватной

современным требованиям философии. Её исходная установка в том, что представление о человеке всегда лежит в центре любой системы мысли. Философствование «по определению» есть следствие жизненного опыта человека, его прояснение и оправдание для себя и для мира. «Человек – это в известном смысле всё» – провозгласил М.Шелер. Это положение можно считать **credo** философской антропологии.

Если природная реальность зависит от человека, то социальная состоит из него. Человек – микросоциум. Социум – мегачеловек. Человек – предпосылка и продукт истории, и любая попытка его противопоставления обществу несет привкус абсурда. Хотя, конечно, их отношение менялось. Состоянию дикости и варварства соответствовали стадные и кровнородственные формы совместной жизни, возникновение экономического разделения труда породило собственно социальные связи и Личность. С этого времени можно считать, что всякий человек, живущий в обществе, является личностью. Мы говорим об индивиде как о человеке, когда сравниваем его с другими видами сущего, неорганическими или живыми, и о нем же как о личности, когда от-личаем от других людей. Личность – это человек с «определенным артиклем». Вряд ли можно считать обоснованным разведение данных понятий по признаку наличия или отсутствия в них природного, т. е. жизненного начала. Что за личность без страстей и телесных переживаний, в сущности говоря, без чувств? А значит без души, а потом и без ума. «Презумпция личности» – условие гуманистического мировоззрения. «Животворящая Троица»: природа-общество-личность (ПОЛ) воплощается в человеке «неслиянно и нераздельно». Все они живут, будут жить или умрут – вместе.

И в религиозном, и в светском метафизическом сознании дальнейшее существование личности как вершины земного бытия мыслится прежде всего в плане духовного совершенствования, которое, в виду сложности и открытости человека миру, бесконечно. Конечные цели, правда, разнятся: в одном случае подготовка к индивидуальной вечности, переделка себя по канону богоподобия, в другом, социальное бессмертие рода и гуманизация жизни. В обоих случаях, однако, это антропоцентризм, хотя не онтологический, а ценностный. В XX в. задача социально-практической гуманизации жизни наиболее определенно и целенаправленно ставилась

марксистской идеологией. При коммунизме личность впервые в истории должна перестать быть средством решения каких-либо других, пусть благих и великих, вопросов и превращается в самоцель развития. Труд, любовь, познание, творчество наполняют ее бытие высшим смыслом. Это общество в котором «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». Несмотря на неудачу в реализации коммунистических идеалов, классическое сознание не могло и не хочет отказываться от гуманизма. На него ориентировано и содержание «академической» философской антропологии, а также образовательных стандартов при ее преподавании. Вот как виделись перспективы человека нашему, по историческим меркам современнику, официальному, а для многих и неофициальному философскому авторитету, «главному антропологу» России, организатору и первому директору Института человека, основателю журнала «Человек» академику И.Т.Фролову: «Приоритет человека и новый (реальный) гуманизм – так, я думаю, можно обозначить духовную парадигму, идеологию и политику XXI века»¹⁴⁰.

...Теперь все это не так – рухнуло. Если, конечно, следить не за благопожелательными, а фактически идущими в мире процессами. Возникло информационное общество, точнее, информационная реальность. О ней вовсю говорят, но часто «фразерски», не отдавая отчета в вытекающих отсюда следствиях. Фундаментальное из которых, что это среда не тел и вещей, а отношений, не субстратов, а связей, коммуникации. Изменяется сама субстанция бытия и вся его целостность, что, в свою очередь, не может не влиять на состояние входящих в него частей и элементов. На основе информации образуются виртуальные формы реальности, создающие совершенно небывалые условия для тела и духа человека. Они радикально отличаются от тех, в которых он пребывал в течение тысяч лет природной эволюции. Это не может не отражаться в философско-социологической мысли, не иметь своей идеологии. На смену субстанциализму как принципу объяснения бытия идут релятивизм и коннекционизм. Классическое сознание, включая и «неклассическое» в его узком смысле, вытесняется постнеклассическим. Иными словами, реализм или «модернизм» в его широком смысле, уступают место пост/транс/модернизму. «Истина» постмодернизма – другая, противоположная прежней духовной

традиции, более того – всей культуре. Главное в нем – отказ от метафизики, а значит и сложившихся в течение веков представлений о человеке, его месте в мире. Этого места «метафизическому человеку» больше нет. Отсутствие – автора, субъекта, человека является специфицирующим признаком, сутью актуального «пост-современного» философствования. В этом отношении оно прямо противостоит философской антропологии, отменяет её. Кто еще говорит о человеке, его высшей ценности, тот едет в карете прошлого. Он консерватор и фундаменталист. В той же повозке – гуманист. Если не хуже.

Живому, чтобы отсутствовать, сначала надо умереть. И человек умирает, активно, интенсивно и прогрессивно. Это настолько очевидно, что закрепилось в словарях и энциклопедиях. Правда, с самоназванием «новые». Например, в «Новейшем философском словаре»¹⁴¹ слову «Человек» уделена одна страница, слово «Личность» отсутствует совсем, в то время как «Смерти» с приложением к тому, что привычно считалось живым, отдано 12 страниц. Это что-нибудь да значит! Деконструкции всей метафизики и прежде всего антропологии, окончательного отказа от различия между объектом и субъектом, означаемым и означающим, бессмысленным и смыслом – вот чего настоятельно требует становление информационной реальности и что фактически происходит в области мысли. Так следуйте за новым, потенциальным, передовым. Остальное приложится. Человек как венец природы, подобие Бога и Личность не отвечает этим прогрессивным тенденциям. Он стал традицией. Но замена ему, мы уверены, найдется. Она – здесь, «при дверях». Её можно сконструировать. А пока давайте скажем: *покойся с миром, [ЧЕЛОВЕК]*.

Группа пост-следователей

Особое мнение

Адам – Антропос – Гомо – Человек, признавая изменение своей роли в мире, в то же время считает данную в этой биографической справке оценку его современного положения и прогнозируемой участи контрпродуктивной. Не вытекая из первоначального, весьма хвалебного исторического описания и ставя тем самым под сомнение искренности его, как оказалось, миз-антропных коллег,

она поспешна и поверхностна. Адам не может отрицать проблем, с которыми сталкивается в так называемом пост(индустриальном, модернистском) информационном обществе и возникновения в нём подрывающих гуманизм тенденций. Однако ссылки на прогресс не должны нас гипнотизировать до отказа от самих себя. Антропос вправе ожидать более глубокого анализа угрожающих ему опасностей, чтобы знать, во имя чего его ставят перед выбором: сохранение идентичности или дальнейшее существование. Мы отказываемся от подписи под выводами о конце этой уникальной формы бытия, превращающими Curriculum vitae в Necrolog, поскольку в них не учитывается противоречивый, многовекторный, нелинейный характер происходящих процессов. Гомо имеет основание полагать, что провозглашение смерти всего сущего – природы, Бога, человека – некой объективной необходимостью свидетельствует о фатальной перверсии мировоззрения ее протагонистов. Захваченные пафосом отрицания, они оставляют без ответа самые принципиальные вопросы в своих собственных построениях. Если «смерть» метафора, то насколько и метафорой чего она является? Если нет, то какая жизнь или форма бытия предлагается взамен нынешней, «устаревшей», и будет ли она «жизнью»? В конце концов что за субъективные цели, кроме первичного рефлекса на информацию, стоят за деконструкцией, и каково ценностное оправдание ее применения к философской антропологии? Не доверяя пост-следователям постмодернизма, хотелось бы самостоятельно разобраться в этих явлениях и концепциях. *Всегда с позиции Человека*, даже если все будет против него.

Консерватор.

2. Человек как тело: информационная реконструкция

При феноменологическом восприятии человек предстает как тело. Т(ч)еловек. Что у него есть душа, психика, сознание мы домысливаем, воображаем, а непосредственно ориентируемся на выражение лица, глаз, походку и поведение. На то, что он говорит. Языком, голосом. Этот «наивный бихевиоризм» господствовал тысячи лет, пока культура не расчленила мир на внешний и внутренний, а у человека не увидела «безвидную» идеальную сущность.

Самые могущественные и таинственные мифические силы проявляли себя в зооантропоморфном облике. Даже в развитых монистических религиях трансцендентный Бог, дьявол и ангелы имеют тело. Умерщвляет человека старуха с косою, а его душу птицеобразные ангелы достают из груди, зацепляя крючьями, ибо она миниатюрная копия своего большого носителя. Зооантропоморфная картина мира казалась настолько естественной, что в форме тел воспринимались, ими называли все остальные, в том числе неорганические элементы сущего, планеты и звезды – небесные тела, их сочетания. Это «стрелец», «дева», «козерог», время делят между собой драконы, собаки и обезьяны, тела бывают твердые, жидкие, газообразные, просто геометрические, есть тела-туловища – «корпуса» станков, кораблей, орудий и т. п.

С развитием хозяйства и познания живая картина мира изживалась, превращалась в метафору. От материального отделяется идеальное, от тела сознание, от души логос вплоть до их дуализации как противоположностей. Поскольку природа лишается зооантропоморфных характеристик, то какие в ней тела? Это «объекты», «вещи», «предметы», а идеальное либо трансцендентально, либо особая субстанция, и весь вопрос в том, как оно связано с материальным, как решается психофизическая проблема. Ею и была озабочена философия в качестве метафизики, да и вся традиционная культура до XX в. Точнее до лингво-семиотико-структурного поворота, на который, после возникновения информационной реальности, мы вправе смотреть как на ее предтечу. Отказ от вещей и субстратов, от онтологии и замена их языком, текстом и структурой есть, в сущности, начало трансформации предметной модели мира в информационную. Знаковые подходы, семиотизация артикулировали тень, которую информационная реальность отбрасывала из будущего. Становление постиндустриальной цивилизации означает, что она стала настоящим, существуя рядом, вместе, а потом проникая внутрь вещно-событийного мира.

По мере проступания из тени контуров новой модели реальности когнитивизм, семиотизм, структурализм и т. д. сменялись текстуализмом, постструктурализмом, деконструкцией – тем, что обобщенно принято называть философским постмодернизмом. По аналогии с лингвистическим, можно по-видимому, говорить о более крутом повороте в том же направлении – информационном и

его гуманитарном выражении в постмодернистской культуре. Или о перерастании лингвистической революции в информационную. Без усмотрения этой связи информационная реальность проявляет себя в ложном свете: как «изм», как идеология и в таком качестве начинает говорить от имени всей эпохи постмодерна, искажая, сужая ее до постмодернизма, из-за чего постмодернистское философствование для тех, кто хочет искренне в нем разобраться, предстает, по выражению одного из отчаявшихся в подобном занятии, «сплошной непонятностью». Ничего удивительного. Постмодернизм допускает, даже предполагает превращение других авторов и тем более читателей в некий материал, сырьё, объект манипулирования при производстве собственных текстов. Это конструктивно-деятельностная установка, принципом функционирования которой является не истина, а достижение поставленной цели. Эффект, эффективность. Её особенности весьма картинно обрисовал Ж.Делёз: «В то время меня не покидало ощущение, что история философии – это некий вид извращенного совокупления или, что тоже самое, непорочного зачатия. И тогда я вообразил себя подходящим к автору сзади и дарующим ему ребенка, но так, чтобы это был именно его ребёнок, который при том оказался бы еще и чудовищем. Очень важно, чтобы ребенок был его, поскольку необходимо, чтобы автор в самом деле говорил то, что я его заставляю говорить»¹⁴². Чтобы не стать, «ничего не поняв», жертвой столь оригинального методологического подхода, заслуженно принесшего Ж.Делёзу славу виртуоза в трактовке других авторов, кроме личной бдительности, надо помнить, что в наше время все товары продаются в обертках и яркой упаковке. Чем опаснее продукт, тем затейливее тара. Чтобы избежать несварения головы со всеми вытекающими отсюда последствиями, постмодернистские тексты не следует употреблять без расшифровки и демистификации. Их нельзя принимать за чистую монету. Гениальность не гарантирует благомыслия. Их изготавливают те, кто в лучшем случае не ведаёт, что творит, игроки, а в худшем – люди, чье сознание похищено постчеловеческой реальностью, через которых говорит и наступает *Иное*. (Если еще лет 10 назад постмодернизм дружно и резко отвергался, критиковался, то теперь, во избежание прослыть отставшим от прогресса, этого делать нельзя. Ну так, чуть-чуть. Мы будем – «посреди».)

Резонно ожидать, что информационная модель мира должна вести к умалению предметности, особенно ее живых форм. Идеологическая загадка постмодернизма в том, что в нем, напротив, провозглашается телоцентризм. Его внимание сосредоточивается на телесности. Телоцентризм противопоставляется логоцентризму и должен, по декларациям, заменить его. Девиз «от слова к телу», призывы к телесной парадигме культуры, к переходу от вербальности к зрительным образам, от мысли к плоти стали общим местом постмодернистского философствования. Непрерывная профилактика здоровья, порнографическая эксплуатация и косметизация тела, распространение фитнес-практик («мышечная косметика») как будто дают для этого основания. Однако не менее известен и лозунг «смерти человека», стоящий в одном ряду, вернее, победно завершающий борьбу с логоцентризмом. А предшествовали ему отряды идей и аргументов против этно-фаллофоноцентризма, свойств и органов сопряженных с человеческой телесностью. Все мы пока «этно», т. е. представляем ту или иную культуру, «фоним», т. е. говорим на том или ином естественном языке и имеем субстратное или (и) функциональное отношение к фаллосу. Как совмещается телоцентризм с анти-этно-фоно-фаллологоцентризмом? Если же в центре культуры и мира действительно оставляют тело, то оно какое-то странное: «без органов» и «без пространства». Воистину клубок парадоксов и противоречий. Как клубок змей, обвивающих тело Лаокоона, чтобы задушить Героя.

Когда роль явления падает, его значение может возрастать. Чаще всего так и бывает. Все объявляется телом. Душа – тело, письмо – тело, наряду с телами природы (тело1) появились тела культуры (тело2), «тела мысли», дигитальные тела и т. д. «Тело может быть каким угодно; это может быть какое-то животное, тело звуков, души или идеи; оно может быть лингвистическим телом, социальным телом, некой коллективностью»¹⁴³. Если все – тела, то особенного тела, живого тела в его специфической идентичности – нет. В отличие от феноменологической архаики, когда антропная парадигма рассматривала неживое по подобию живого, и метафизического метафоризма, когда тело, не теряя самости, служит про-образом описания окружающего мира, в постмодернизме оно отождествляется с любой, в том числе неживой реальностью. Это «нечто», единица, элемент множественного сущего, взятого,

однако, не в разнообразии, а в одинаковости. Универсальное бескачественное тело является «образным аналогом» информации и количества, т. н. «симулякр». Он(о) их воплощает. Для собственно информационной реальности достаточно чисел и «пустых знаков», но если через эту призму смотреть на материальный мир, её приходится наделять субстратностью – в виде тел. Почему не вещей? Потому что за пределами вещи остаются живые формы бытия. Телом же можно обозначить все. К человеку можно отнести как к вещи, но вещь – не человек.

Отождествление человеческого тела с любыми другими телами следует считать экстенсивным этапом его информационной реконструкции. Этапом его превращения в «сому», в «плоть» как некий материал для дальнейшего использования при функционировании других систем. Прежде всего в современной медицине: одного тела для другого; мертвого для живого; живого для умирающего; молодого (младенцев) для старого; старого для экспериментов (муляжи) или «в искусстве» (выставки художественно обработанных трупов). Сначала для «лечения», а потом «улучшения», «совершенствования». Возникло тело без боли – но и без удовольствия, без запаха – но и без чуй(в)ств, без пота – но и без «мышечной радости». Охлажденная, нормализованная, пастеризованная плоть. Такое молоко хранится дольше. Если сравнивать продолжительность жизни современного цивилизованного человека с тем, сколько жили в традиционном обществе, то в 2–3 раза. Медицинские манипуляции телом являются своего рода подготовительным этапом, апробацией возможностей будущего более эффективного взаимодействия человека с машиной, их взаимопроникновения и сращивания, что позволит увеличить производительность труда, хотя чью и чьего – неясно. Распространение моды на пирсинг – своего рода пробный шар внедрения чипов в человеческую плоть для «интуитивного», минующего органы чувств контакта с компьютером «от мозга к мозгу» и создания «церебрального открытого общества». Глядя на эти процессы, дополняемые искусственной имитацией все большего числа органов, можно сказать, что в эпоху постмодернизма тело в самом деле находится в центре внимания. Однако не ради его сохранения, укрепления и культивирования, а для демонтажа, разложения и трансформации. Ради реконструкции для чего-то иного (сбитый с ног и избивае-

мый толпой хулиганов человек находится в центре их внимания, но этот центр «не его»). Центризма собственно человеческого тела здесь нет. *Постмодернизм – это антителоцентризм.*

Концептуальным продолжением отмеченных тенденций является знаменитая постмодернистская идея «тела без органов» (ТБО). К легитимации данного феномена привлекаются самые косвенные или противоположные по смыслу высказывания, когда-либо делавшиеся в истории культуры. Обосновать столь невероятный для до- и метафизического времени образ человека, не рисовавшийся даже в мифах (прежним чудовищам органов обычно добавляли) весьма трудно. Апеллируют прежде всего к Антонену Арто, который действительно выступал «против органов». Но здесь повторяется история с критикой метафизики Ф.Ницше и М.Хайдеггером. Они порицали ее «справа», за эрозию присутствия, а постмодернизм, прикрываясь их именами, «слева», за то, что оно в ней все еще наличествует. Так и с А.Арто. Как актер, художник, эстет он выступал за спонтанное, естественное, одушевленное тело. За «тело чистой страсти», экстатическое и сомнамбулическое. Если танец, то в движении должны быть не ноги, а все тело, если секс, то любит цельный человек, а не орган (после виагры). «У настоящего человека нет полового органа», – утверждал А.Арто. Потому что он сам является полом. Органы сливаются с телом – вот эстетический идеал тела, действующего и созерцательного одновременно. В нем воплощается тотальность, характерная для истоков человеческой культуры, дошедшая до нас преимущественно в образцах восточных боевых искусств и духовных практик, в медитации. Современный человек причастен ей разве что в сновидениях. Мастер дзен Ошо рассказывал в своих беседах: «Великий танцор Нижинский говорил: “Когда танец переходит в крещендо, меня больше нет. Есть только танец”. Но это длится недолго. Затем ты возвращаешься. Я считаю, что поэзия, музыка, танец, любовь – не более, чем суррогат медитации... в медитации ты должен исчезнуть навсегда. Возврата нет, и это порождает страх»¹⁴⁴.

Постмодернистское «тело без органов» прямо противоположно этой интенции. Его органы отрываются от целого. Они умяются, отрицаются, ликвидируются. О них больше не вспоминают. Тем самым тело становится «пустым», «без свойств». Это биосубстратное воплощение социального феномена «человека без

свойств», в художественной форме предвосхищенного Р.Музилем. Сейчас «человек без свойств» интенсивно культивируется. Когда мы общаемся по Интернету, не зная ни возраста, ни национальности, ни «про органы» (вместо пола – гендер), то мы выступаем как люди без свойств. Как «некто». В Сети циркулируют чистые мысли с минимальным личностным окрасом в виде стиля и формы выражения. Чистому мышлению соответствует, противопоставляясь, чистое тело. Компьютерные программы состоят из сочетаний пустых знаков. Коррелятивно им возникают, противопоставляясь, пустые тела. Целостный телесный человек, человек как живой организм превращается в часть человека – посторганнизм. В Corpus. (Корпус, если точно по-русски – вместилище, тулов(о) ище.) В плоть. Обезличивание переходит в «обезорганивание».

Тело без органов – соматическое тело. Это бесформенное, бесструктурное образование, некое «расчищенное место» для нанесения знаков или вживления чипов. «Протоплазматическая субстанция», «среда интенсивностей», «кинестическая амеба» – вот его типичные определения в постмодернизме. И если не поддаваться на отвлекающие уловки и случайные аналогии, то мы действительно обнаружим перед собой или самого себя в виде тела, оставшегося «после духа», ушедшего побродить по Сети и виртуальным реальностям. В этом путешествии оно ему не нужно. Виртуально, в сознании человек может мчаться с заснеженных гор, а телесно догнывать на диване, когда никакие органы не функционируют. Он может толстеть или истощаться как компьютерные наркоманы, но в обоих случаях тело атрофируется до биосубстрата. Тело как организм нужно для жизни в естественном, природном или в искусственном, но по крайней мере, предметном мире. Чтобы поглощать и преобразовывать его, сталкиваться и бороться с ним. Все живые тела, кроме простейших, имеют органы. Внутренние и внешние. Напротив, для восприятия и трансфера информации, для «жизни» в гиперискусственном, искусственном-2 достаточно мозга, дополненного, пока нет прямого церебрального контакта с машинным интеллектом, глазами и руками. Чтобы нажимать клавиши и шевелить мышкой. Не функционирующие органы рано или поздно отмирают. У современных интеллектуалов руки на глазах превращаются в ласты. Во что превращаются другие органы, говорить не стоит. «Частичный

человек», которого боялись классическая метафизика, марксисты и гуманисты, – вот он какой! Постмодернизм его не боится. Он его описывает, проектирует и приветствует. Для физиологического закрепления этого процесса нужно два-три поколения. ТБО (тело без органов) или НОТ (новое тело) появится как завершающий этап в реализации информационной реконструкции человека, предварительно осуществившейся на «главных» органах. Прежде всего – на внешних. А потом, когда, по-видимому, тело без органов будет совершенствоваться – на внутренних. Такова оче-видная перспектива значительной части людей, с детства и много сидящих, а постепенно все больше лежащих перед экранами или в специальных шлемах.

Это перед экранами. *В натуре*. Но тела есть и на экранах, которых становится больше, чем живых, с органами или без органов. Для их обозначения тоже нужны соответствующие понятия. Ключевое среди них – «тело без пространства» (ТБП). Близкие к нему – «картография тел», «нулевое тело», «детерриториализованная телесность». Введение данных понятий было бы невозможно без огромной предварительной работы по разрушению метафизической картины мира, в которой тела существуют как вещи, только живые. Они имеют массу, объем, высоту, глубину. Тело без пространства не вещно. Оно «не весит» (не вещит) и существует как конфигурация поверхностей. Теоретическая победа над высотой и глубиной тоже стала возможной после победы знаков и структур над вещами и субстратами. Но обоснование приоритета поверхностей и придания им мировоззренческой всеобщности происходит в рамках постмодернизма. Решающий вклад здесь внес опять-таки Ж.Делёз. Как всякий идеолог, он апеллирует не к процессам, протекающим в производстве, универсуме техники или социуме, а к внутренней филиации идей. В борьбе с «вещностью» метафизической философии он ищет аргументы в самой философии, максимум, в личной жизни. Ссылается на стоиков, на Пифагора, вспоминает о ленте Мёбиуса и т. д., лишь бы не выделять, не акцентировать подлинную движущую причину: возникла техническая реальность экранов и поверхностей, на которые сканируются, куда «уходят» вещи и живые тела; возник double world (второй мир), что, конечно, важнее искусства поверхностей, необходимого для гомосексуальных отношений.

Тело без пространства вместе с текстом становятся заместителями реальности вещей и заслоняют тысячелетия другого способа бытия людей. «Все что происходит и все что высказывается происходит на поверхности. Поверхность столь же мало исследована и познана, как глубина и высота, выступающие в качестве нон-сенса... Двойной смысл поверхности, неразрывность изнанки и лицевой стороны сменяют высоту и глубину. За занавесом ничего нет, кроме безымянных смесей... Поверхность подобна запотевшему стеклу, на котором можно писать пальцем... Философ теперь не пещерное существо и не платоновская душа-птица, а плоское животное поверхностей – клещ или блоха. Как назвать это новое философское свершение?.. Может быть, извращением, которое, по крайней мере, согласуется с системой провокаций этого нового типа философа, если верно, что извращение предполагает особое искусство поверхностей»¹⁴⁵.

Как видим, Ж.Делёз идет ощупью: вместо мониторов «запотевшие стекла», вместо компьютерных плат с напылением сверхчистых веществ «безымянные смеси», по экранам под воздействием мыши прыгает не курсор – это главное орудие мышления « сетевого философа», а «клещи и блохи». Таким же образом, описывая как будто с натуры тело без высоты и глубины – на телеэкране, он упорно избегает его соответствующей квалификации. «Всегда говорит именно рот; но теперь звуки уже не шумы тела, которое ест – это чистая формальность; они становятся манифестацией выражающего себя субъекта»¹⁴⁶. Итак, еда для тела без пространства чистая формальность. Шумит, фонит тоже не тело, а что-то другое, благодаря которому «звук становится независимым». Действительно, звук производят аппараты, которые потребляют электрохимическую энергию, а не хлеб с мясом, про которые как бы уже и стыдно вспоминать в серьезном научном разговоре о человеке. Все это правда, кроме... правды. Фактически речь идет не о теле, не о живом теле и не о человеческом теле, а о теле без тела. Нет главного признака тела, который в философии подчеркивается со времени Декарта – массы, объема и протяженности, т. е. пространства. Нет обмена веществ, без которого живое не существует. Информационизм – это антивитализм. Тело без пространства – тело на экране, экранное тело. *Это – анти-тело*. Антитела вокруг нас.

Трудно сказать, является ли подобная двусмысленность пост-модернистского описания тела без пространства сознательным обманом с целью представления любого бытия информацией или это самообман, связанный с неразвитостью экранной среды времени становления данной философии. Ведь в 1960-е гг. эпоха пост-модерна только начиналась. Удивительно другое. Сейчас, когда информационная цивилизация входит в пике, а о деконструкции всего и вся написаны монбланы книг, эта неясность не просто сохраняется, она продолжает культивироваться. «Тело без пространства» всерьёз обсуждается как тело человека. В то время как эти антитела начинают заслонять протяжённые и живые, все больше составляя наше окружение. Среди них полно давно умерших (так осуществляется утопия Н.Федорова) или никогда не существовавших. Они энергичнее, красивее, совершеннее живых, кажущихся на их фоне неуклюжими и устаревшими. Копия стала лучше оригинала! (Вот причина, почему «повторение предшествует факту».) И без его примитивных проявлений. Поэтому восхваляется «желание без соблазна», т. е. без соблазнения, т. е. без телесного Другого. Сексуальность адресуется «напрямую, к образам без тел». Достаточно контакта с «телами без пространства». По-старому это называлось онанизмом, тем, что возможно, но находится за пределами нормы. В нем как в «любви без другого» находит свое техническое воплощение идеал свободы (никто ни в ком не нуждается) и атомизация либерального общества, перерастающие в аутизм его членов. Для человека с «телом и органами» это плохо, печально, но ...прогрессивно. Значит – хорошо. Сказать «плохо», решиться на критику экспансии тел без органов и пространства страшнее, чем отрицать собственное существование. Ведь это значит вступить в противоречие с Техникой, прогнать наше новое божество. Быть «атехнистом» при идейном господстве техницизма и информатизма – то же самое, что быть атеистом в Средние века. Это значит претендовать на то, что наше мышление должно быть не рефлексом событий, не «отражением бытия», а рефлексией над ним(и), и на то, чтобы остаться субъектом происходящих процессов – состояние, сохранить или достичь которого, возможно, не удастся вообще. Не успеем, ибо параллельно информационной реконструкции человека как тела разворачивается деконструкция и «пересоздание» его духовно-личностной сущности.

3. Человек как субъект: информационная реконструкция

В XX в. всегда присущая человеческой истории трагическая сторона перестала быть локальной. Она глобализовалась в буквальном и переносном смысле слова. Достаточно вспомнить две унесшие миллионы жизней мировые войны. Меньше обращают внимания на то, что идейно, в символическом универсуме разыгралась своя кровавая драма: исчез, погиб, пропал без вести, умер – человек. Вообще! И не просто сам по себе. Его преследовали и убивали везде и как скоро обнаружат: как автора, читателя, субъекта, личность, сверхчеловека, творца. В философии удар направлялся прежде всего против субъекта. Субъект – это «теоретический человек». Он носитель сознания, языка, активности и свободы. Без него нет объекта (как верно и наоборот). В совокупности субъект и объект исчерпывают наше бытие. Борьба таким образом велась с моделью мира, существовавшей в течение 2,5 тыс. лет, с «осевого времени» как эпохи возникновения культуры и философии. Этот мир подрывается, деконструируется, продолжая разрушаться посредством и в результате все той же лингво-семиотической, а если говорить принципиальнее, информационной революции. Становление информационного общества – время, когда «сломалась ось времен» и «кончилась история». История как предметно-культурная, субъектная деятельность людей. Эту революцию можно сравнить и со становлением неолита. По своим же апокалипсическим тенденциям она, по-видимому, значимее всех предшествующих исторических поворотов.

Разумеется, борьба вокруг субъекта была неоднозначной. Его критиковали с разных сторон, с противоположными намерениями. М.Шелер – за то, что ориентация на него завела европейскую философию в трансцендентально-рационалистические дебри, где человек потерялся. Надо, возвратив субъекту тело, чувственность и тем самым целостность, поставить его в этом качестве в центр мира. Наше мышление, наша логика так или иначе человекообразны. Любое философствование мотивировано человеческим и приходит к нему. Так возникла философская антропология, претендующая быть смысловым ядром философии вообще. Единственно на человеке, его личности и индивидуальной свободе, отгораживаясь

от проблем остального сущего, сосредоточиваются персонализм и экзистенциалисты. М.Хайдеггер, наоборот, отталкиваясь от экзистенциализма, вернулся к Dasein, «вот-бытию» как нераздельному бытию-сознанию. К субъектно-бытийному единству тяготеют теории «жизненного мира» поздних Э.Гуссерля и Л.Виттгенштейна. Всё это происходило под влиянием революции в естествознании, когда субъект, вопреки классике, включается в познавательный процесс, сначала как наблюдатель, а потом превращается в деятеля, проектировщика и конструктора фактов. Так возникли неклассическая наука, модернистское искусство и искусственная предметно-техническая реальность как повседневная жизненная среда человека. Они до сих пор превалируют в нашем окружении, хотя все это явления индустриального, доинформационного общества. Они современны, актуальны, но – не больше. На фоне «постсовременного», постмодернистского или, если бежать впереди прогресса, трансмодернистского развития цивилизации, они консервативны. Оставаясь модернистскими, они хотят, несмотря на перемены, сохранить человека в его традиционной форме. Они цепляются за его антропологическую идентичность. Между тем с точки зрения деконструктивизма время человека и как телесного существа, и как субъекта истекает. Истекло. Чтобы вписаться в новую, «новационную» информационную реальность и полностью соответствовать ей, он как минимум должен быть реконструирован.

В отличие от косметического ремонта реконструкция предполагает предварительную деконструкцию: прекращение функционирования, разборку на элементы и части, если не деструкцию – разрушение до субстрата. На прекращении функционирования, объявив об изгнании субъекта из теории, остановился структурализм. Остановился на вытеснении, «не сотрудничестве» с ним, на методологическом приеме. В отличие от него постмодернизм (постструктурализм) не игнорирует, а проводит действительную деконструкцию субъекта, дискредитируя его по всем философски важным параметрам. Более того. В отличие от деконструкции человека как телесного существа, которая сразу реконструирует его в «тело перед экраном и на экране», приспособлявая тем самым к жизни в новой информационной среде, деконструкция человека как субъекта ведется с «нуля», вернее до нуля. Сначала его «растворяют», доводя до смерти, по крайней мере клинической, и только

после, увидев, что делать с ним больше нечего, да и сами остались без работы (а главное огорчение – что люди, субъекты, не подзревая о своем небытии, продолжают суетиться), эти «проблемные поля» пришлось восстанавливать. Заговорили о «воскрешении субъекта», но... «после человека», в русле *afterpostmodernism*'а и трансгрессии. Дело долгое, непоследовательное, с превратным результатом. Мы же пока должны рассмотреть основные аргументы против присутствия субъекта в мире, его центрального положения в нем, его статуса носителя мышления и свободы. Какими силами и во имя чего отрицается человек-субъект?

Вопросы кажутся сложными, однако если помнить об определяющей смысл всего деконструктивистского философствования борьбе с философией как метафизикой, то ответ не требует отдельных изысканий. Он вытекает из общего отрицания признаваемой в ней реальности (присутствия), не важно, материальной или идеальной, из его борьбы с онтологией и теологией, отказа от различения означаемого и означающего. Это, говоря устаревшими словами, означает, что в нем нет ни объекта, ни субъекта. Постмодернизм, не признавая деления бытия на внутреннее и внешнее, стремится преодолеть бинаризм в подходе к нему, не важно, дуалистический или диалектико-монистический. Можно бы утверждать, что для него оно едино и единственно по самой своей природе, если бы слово «природа» в нем не было табуировано. «Бытие» едино и единственно в языке, тексте, письме как некоем самодействующем (автоматическом) и саморазвивающемся множестве знаков. В том, что стало на место природы, – в информации. Этапность постметафизического преодоления метафизической двойственности мира в том, что если в структурализме субъект снимается, «растворяется» как бы походя, наряду с предметной сущностью, то для постмодернизма смерть субъекта – *credo* или, говоря его языком, – брэнд.

Общая незавидная судьба объекта и субъекта проистекает также из ориентации постметафизического философствования на переход от парадигмы бытия к парадигме становления. Переход «*from being to becoming*» означает потерю субстанциональности мира и его трансформацию в модальное состояние. «Становленческая методология» – синергетика. Если и когда ее превращают в мировоззрение, это ведет к потенциализму и нигитологии. Когда все – процесс и поток, если вещи и тела нам только кажутся в силу

медленности восприятия, то такая же иллюзия наше «Я», сознающий себя человек. Скорость естественной эволюции не поспевает за скоростью искусственных технических перемен, и естественно, существе представляется всё более искусственным, феноменологическим. Научная картина мира становится энергийной, «энергетической», в ней начинает превалировать идеология процессуальности. Хотя становленческая линия борьбы с человекоразмерным бытием не собственно семиотическая, по ней постмодернизм отрывается от статики структурализма, предполагающего сохранение вещей в качестве самих себя. Отрывается все активнее, резче и по мере приближения синергетики к противостоянию с системностью вступает в стадию трансмодернизма как «философии иного». Претендуя на мировоззрение, синергетика подрывает базу идентичности человека-субъекта, делая его из действительного возможным, из телесного виртуальным, из индивида «дивидом» и «мультивидом». Синергетическое мировоззрение коррелятивно, или, можно сказать, создает условия для того, чтобы субъект трактовался как рефлекс тотально технологизированного общества и информатизма. Так, каким он в этих условиях становится – функцией, модусом, сингулярностью, складкой. Вместо вещи остаётся концепт, а «концепт человека» – персонаж.

«Итак, на вопрос “Кто говорит?” мы отвечаем, – пишет Ж.Делёз, анализируя традиционные метафизические ответы, – в одних случаях, это индивидуальное, в других, что личное, в третьих – что само основание, сводящее на нет первые два»¹⁴⁷. Очевидно, речь идёт о «нововременном» активистско-персоналистском воззрении на субъект, но также в нововременных рамках и противоположном ему, рассматривающем субъект как голос Бога или «просвет» Бытия. Они оба не удовлетворяют Ж.Делёза. «Остается еще один, последний ответ, бросающий вызов как недифференцированному первозданному основанию, так и формам индивидуальности личности, – ответ, отвергающий и их противостояние, и их дополнительность. Нет, сингулярности отнюдь не заточены безысходно в индивидуальностях и личностях; не проваливаются они и в недифференцированное основание, в бездонную глубину, когда распадаются индивидуальность и личность. Безличное и доиндивидуальное – это свободные номадические сингулярности. Глубже всякого дна – поверхность и кожа. Здесь формируется новый тип эзотерического языка, который сам по себе модель и реальность»¹⁴⁸.

Итак, человек-субъект превращается в сингулярность, некую доиндивидуальную, хотя выделяемую из тотальности бытия единицу. Она безлична, но не пропадает в его «бездне». Это артикулированное, свободно перемещающееся в (по) «языковой реальности» образование – номада. Не обремененное субстратностью, оно (она) кочует, где хочет, не подчиняясь «власти». Власти не узко политической, как думают, представляя постмодернистов какими-то борцами за права человека, а необходимости и обстоятельствам жизни, ее содержанию, «глубине» – не подчиняясь власти присутствия. Данная сингулярность и является тем, что когда-то было человеком, субъектом, индивидом, личностью, экзистенцией, вот-бытием. В сравнении с этими метафизически-антропологическими категориями у нее, кроме отмеченных, масса других преимуществ. Подобно тому как через «поверхность» преодолеваются мучившие философию на протяжении веков оппозиции материального и идеального, объективного и субъективного, природы и ее «зеркала», так через сингулярность решается проблема психофизического дуализма человека – тела и духа, бессознательного и сознания, «нонсенса» и смысла. Экран, табло – это «представительство другого», чье-то материализованное сознание и идеализованная, превращенная в функцию материя. «Нонсенс и смысл покончили со своим динамическим противостоянием и вышли в сопresутствие статичного генезиса – нонсенс поверхности и скользящий по поверхности смысл. Трагическое и комическое освобождают место новой ценности – юмору»¹⁴⁹.

Ж.Делёз исполняет настоящий гимн юмору. Прослушивая его, не следует ограничиваться эстетическими и литературными оценками. Это философская категория, своего рода «картина мира», новая модель бытия, в котором нет ничего смешного. Это действительно эзотерический, т. е. тайный, эзоповский язык разрушения предметной среды, необходимой для существования человека и «диссоциации» его самого как субъекта ради их замены информационно-экранными аналогами. Если смех, даже ирония выражают чувства целостного, телесно-духовного человека, возникающие при его определенного типа столкновениях с миром, то юмор – результат сдвига смыслов в тексте. Это игра понятий, сугубо умственный смех (смайлики) вместо естественно-го, телесно-духовного, не говоря о физиологическом выражении

радости бытия в виде беспричинного, «дурацкого» смеха (обычно молодежи). Но открытые призывы к элиминации целостного человека и замены его концептуальной персоной встретили бы среди людей, не ставших пленниками информационной реальности, много противников, их смех, гнев или плач. Поэтому ему предлагают «выпить иаду» незаметно, вливая его «логически». «Если ирония – это соразмерность бытия и индивидуальности или Я и представления, то юмор – это соразмерность смысла и нонсенса. Юмор – это искусство поверхностей и двойников, номадических сингулярностей и всегда ускользающей случайной точки, искусства статичного генезиса, сноровка чистого (т. е. не обремененного субстратом – В.К.) события и “четвертое лицо единственного числа” (“оно”, трансвестит? – В.К.), где не имеют силы ни сигнификация, ни денотация, ни манифестация, а всякая глубина и высота упразднены»¹⁵⁰. Упразднён, позволим себе сделать обобщение, реальный предметно-телесный мир. Включая трансцендентный, куда человек возносится как духовное существо. В этом – «все» деконструктивизма, итог и смысл его методологических по(д)ходов, борьбы с метафизикой, переписывания истории и т. д. Это *природно-культурно-антропологический элиминативизм – освобождение места для универсального распространения информационной реальности.*

Однажды Ж.Деррида на докучливые вопросы своих поклонников о том, Что же было в Начале?, до «повторения и различия» явно не без юмора, но совершенно честно сказал: «В Начале была телефонная линия». Поклонники юмора не поняли и до сих пор спорят, что за загадку загадал им великий человек. О ней пишут в энциклопедиях как о чудачестве, которое позволяют себе, подобно эстрадным звездам, некоторые философские мэтры. И здесь подтверждается правота тезиса постмодернизма, что текст создается не столько автором, сколько читателями. Ж.Деррида открыто объявляет, что его философия есть модель информационной реальности и рефлекс computer science, тем более что в годы, когда его спрашивали, в Интернет можно было войти лишь по телефону, но ему не верят. Слишком просто. Оскорбительная ясность, как сказал бы Ницше. Правда, к извинению «читателя», Деррида одновременно маскирует суть дела томами текстов, препарирующих развитие человечества под развитие искусственного интеллекта,

«при этом так, чтобы он казался естественным». Его грамматология заменяет все когда-либо бывшие виды субстанции и онтологию. «Телефон» был раньше «Большого взрыва» и господя Бога. «Мы все живем внутри Универсального Компьютера» – эти последние открытия физики Деррида со своим телефоном сделал намного раньше, изначально и парадигмально. Прежние факты, взгляды и теории уродуются методами деконструктивистской оперативной хирургии, превращаясь в «безбородого Маркса, бородастого Гегеля и усатую Джоконду», т. е. в какие угодно «автору!». Но при наличии подобных откровенных признаний, а «телефонное» не единственное, и открытого про(ре)кламирования теоретического произвола, разобраться в этом воинствующем презентизме все-таки можно. И нужно. Новые идеологии, как правило, агрессивны, стремятся к «абсолютизации». В данном случае поражает размах, цинизм агрессии, хотя они адекватны масштабу наступления искусственного виртуального мира на естественный. Назначение философии, если она хочет служить благу человека, в том, чтобы видеть и «разруливать» такого рода aberrации. К сожалению, ослепленная прогрессом технонауки, она (их) видит все хуже. Видно, мальчиков в ней, которые могли бы по достоинству оценить новое грамматологическое платье постмодернистских королей, все меньше. Открытое тоталитарно-технологическое общество враждебно рефлексии и игнорирует мыслящее мировоззрение. Оно подавляет в себе последние живые элементы.